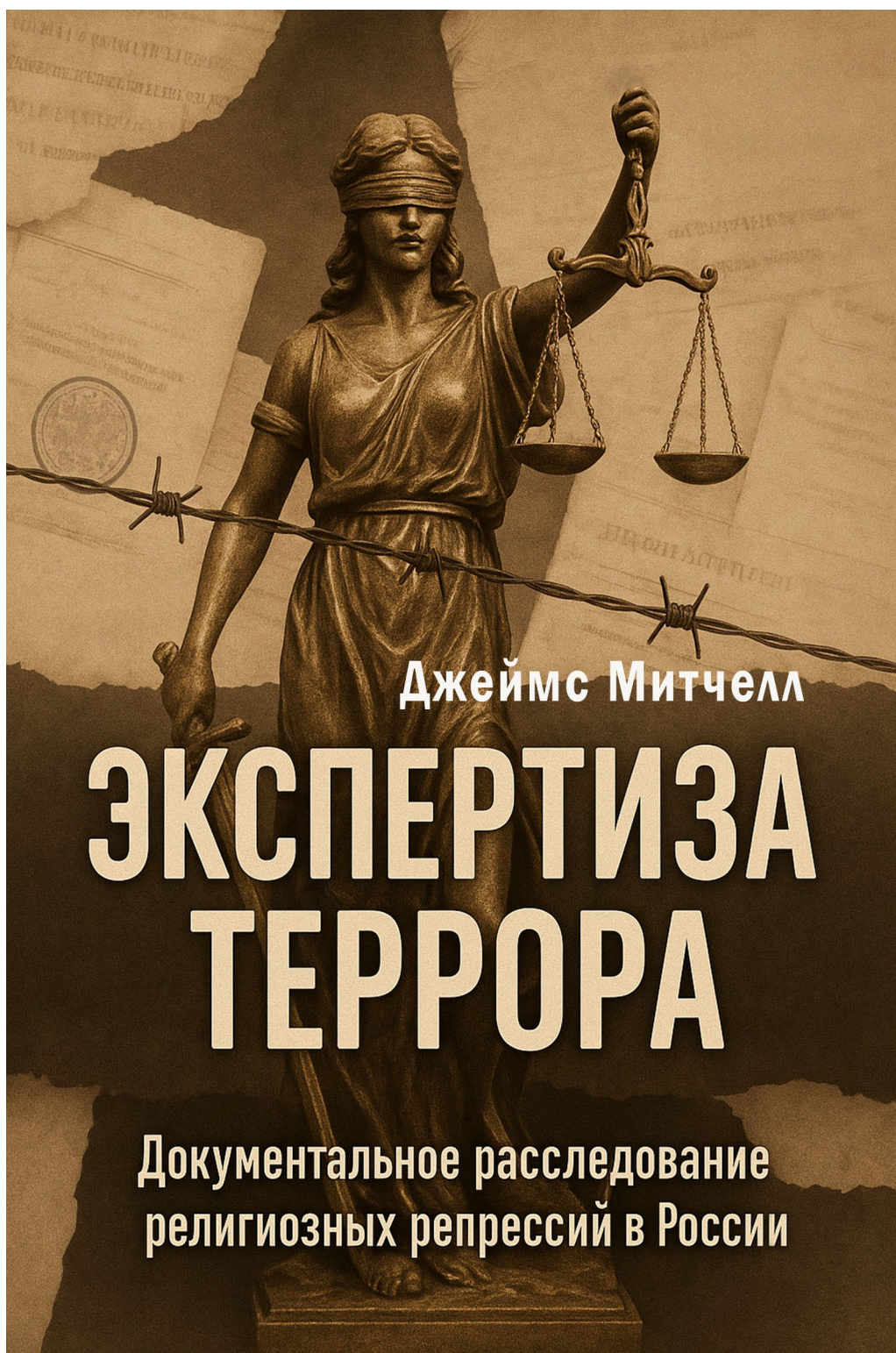

Джеймс Митчелл

ЭКСПЕРТИЗА ТЕРРОРА

Документальное расследование
религиозных репрессий в России

Джеймс Митчелл

ЭКСПЕРТИЗА ТЕРРОРА

Оглавление

Глава 1. Прах свободы

Глава 2. Охота на веру

Глава 3. Экспертиза как оружие

Глава 4. Лингвистика лжи

Глава 5. Суд без истины

Глава 6. Узники совести

Глава 7. Архитекторы страха

Глава 8. Новый рейх

Глава 9. Экспорт ненависти

Глава 10. Молчание Европы

Глава 11. Размытая совесть

Глава 12. Предел страха

Список литературы

Глава 1. Прах свободы

Я начинал это расследование без заранее составленного мнения, без желания обвинять. Мне хотелось понять, как в XXI веке, в стране, где слово «тоталитаризм» стало почти ругательным, возможно возвращение к тем же методам подавления, против которых, казалось, уже давно выработан иммунитет. Я искал факты — и нашёл систему. Сначала неуловимую, потом очевидную, потом — чудовищно простую и действенную.

Первые сигналы приходили незаметно: короткие заметки о задержаниях Свидетелей Иеговы в разных городах России. В газетах это выглядело как рядовые сообщения — будто речь шла о нарушении правил торговли или административном проступке. Но за сухими формулировками стояли человеческие судьбы. «Возбуждено уголовное дело за участие в деятельности экстремистской организации». Эта фраза стала универсальной формулой для обнуления прав и легализации абсурда.

Когда я начал собирать материалы, в глаза бросилось одно: во всех делах фигурировали одинаковые конструкции, одинаковые эксперты, одинаковый язык. Складывалось впечатление, что страна вступила в эпоху клонированных приговоров. Меня настораживала не сама репрессивность системы — Россия к ней привычна, — а механическая точность, с которой она действовала.

Я видел копии судебных документов: протоколы допросов, постановления, экспертные заключения. Всё выглядело формально, аккуратно, даже «по закону». И именно в этом — главный ужас. Насилие больше не нуждается в грубой форме. Его стиль — бюрократическая корректность.

В одном деле экспертиза утверждала, что упоминание «Царства Божьего» в религиозных текстах создаёт у верующих «ощущение избранности и превосходства над остальными», что «способствует разжиганию розни». На этом основании просветительская брошюра была признана экстремистской. Судья согласился с заключением, не задав ни одного уточняющего вопроса. Всё уже было решено заранее.

Я искал объяснение, как могли научные и юридические механизмы превратиться в орудие идеологии. Ответ нашёлся в документах, опубликованных независимыми исследователями: с начала 2010-х годов в России сформировалась особая отрасль — «религиоведческая экспертиза», финансируемая государством и тесно связанная с церковными структурами. На бумаге — академическая деятельность, на деле — инструмент контроля.

Методика проста. Берётся религиозный текст или запись собрания, вычленяются отдельные фразы, вырываются из контекста, после чего

формулируется вывод о «скрытых признаках экстремизма». Это производит впечатление научности — в отчетах встречаются слова «семантический анализ», «психолингвистическая структура», «вербальные маркеры идеологического давления». Но суть — в заранее заданном результате. Эксперт не ищет истину, его задача дать обоснование вердикту.

Я встретил несколько имён, повторяющихся в десятках таких дел. Среди них — Александр Дворкин, человек, построивший целую систему антикультового мышления. Его книги о «сектоведении» стали настольным пособием для судей, прокуроров, полицейских в России. В них — особый язык, где слова «секта», «опасность», «деструктивность» заменяют факты. Он говорил: «секты — это вирусы, их нужно нейтрализовать». Эта фраза стала идеологической инструкцией для чиновников, которым требовалось оправдание своих действий.

Когда в 2017 году Верховный суд признал организацию Свидетелей Иеговы экстремистской, решение объяснили просто: «в деятельности группы усматриваются признаки пропаганды превосходства». Какая пропаганда — никто не уточнил. Но эта формулировка открыла путь для сотен уголовных дел. Людей арестовывали за молитвы, за собрания в частных квартирах, за пересылку религиозных текстов в мессенджерах.

Я разговаривал с родственниками арестованных. Их истории были похожи. Ранним утром — звонок, обыск, изъятие телефонов и книг. Затем — допрос с формулировкой «установить мотивы вовлечения граждан в деятельность экстремистской организации». Потом суд, на котором не обсуждалось ничего, кроме экспертизы сделанной «на заказ» в подтверждение стороны обвинения.

Один из адвокатов, с которым я беседовал, сказал: «Судья может не понимать сути обвинения, прокурор может путаться в терминах, но как только в деле есть заключение эксперта, всё остальное теряет значение. Экспертиза — это магическая формула, оправдывающая всё».

Я проверил несколько таких заключений. Почти во всех повторялись одни и те же шаблоны. Тексты Свидетелей Иеговы обвинялись в «формировании идеологической исключительности», «внушении чувства принадлежности к особой группе», «нарушении принципа равенства религий». С точки зрения логики — нонсенс: любая вера по своей сути исключительна, иначе она перестаёт быть верой. Но лингвистика здесь служит не смыслу, а конструкции обвинения.

Меня поражала легкость, с которой понятие «экстремизм» стало универсальным ярлыком. Когда-то им обозначали терроризм, теперь — любое инакомыслие. Сначала слово потеряло смысл, потом — стало оружием. И это оружие действует тише, чем дубинка.

Чем больше я погружался в материалы, тем яснее видел: за видимостью законности скрыта идеологическая программа. Государство делегировало антикультовым активистам право определять, где «здоровая религия», а где — «опасная секта». Эти определения не имеют научной основы, но обрели статус истины. А общество, уставшее от хаоса 90-х, охотно приняло риторику «защиты от опасных влияний».

Так страх стал политическим инструментом.

Я вспомнил один документ, где следователь объяснял необходимость ареста тем, что обвиняемый «проводил встречи, укрепляющие сплоченность группы и ее идеологическую замкнутость». То есть преступлением объявлялось не действие, а общение. Это уже не борьба с экстремизмом — это борьба с человеческой связью.

Я пытался понять, какова роль общества во всём этом. Почему никто не возмущается? Ответ прост: в публичном поле выстроен многолетний нарратив, где Свидетели Иеговы представлены как «опасная секта». Этот образ внедрялся годами через телевидение, псевдоисследования, церковные конференции. Люди привыкли думать, что речь идет не о религиозной свободе, а о защите государства.

Один из сотрудников правоохранительных органов, неофициально, разумеется, сказал мне: «Нам проще арестовать верующих, чем настоящих преступников. Там всё чисто — протокол, экспертиза, суд. Без риска, без крови». Эти слова — квинтэссенция деградации правовой системы. Государство, потерявшее способность различать преступление и веру, становится механизмом морального распада.

Но даже в этой тьме оставались голоса. Несколько правозащитных организаций пытались привлечь внимание к проблеме, писали доклады, обращались в международные инстанции. Их тексты я изучал отдельно. Они фиксировали сотни случаев пыток, угроз, конфискации имущества. Свидетели рассказывали, как им на допросах включали свет в глаза, требуя признаний, как следователи читали их молитвы вслух с насмешкой.

Это были не единичные эксцессы.

Я видел, как постепенно выстраивалась идеологическая вертикаль: сверху — идеологи антикультового движения, в центре — «экспертное сообщество», внизу — суды и следователи. Все заняты своим делом, никто не чувствует ответственности. Такой порядок устойчив именно потому, что никто не считает себя злодеем.

Когда я попытался запросить комментарий у одного из авторов «сектоведческих» экспертиз, он ответил холодно: «Мы защищаем людей от

манипуляций сознанием. Это не борьба с религией, а профилактика экстремизма». Этот аргумент повторяется повсюду. В нём — формула самооправдания. Но стоит задать вопрос: кто определяет, где «манипуляция», а где вера? Ответа нет. Потому что ответ разрушил бы всю систему.

Я вернулся к делам 2017–2023 годов и увидел, что большинство приговоров строилось на одних и тех же материалах. Никаких реальных доказательств угрозы обществу. Только фразы о «влиянии на психику», «пропаганде превосходства» и «нарушении социальной гармонии». Даже когда международные организации признавали арестованных узниками совести, российские суды оставались глухи.

В какой-то момент я понял, что расследую не просто религиозные преследования, а деградацию самой идеи справедливости. Закон перестал быть инструментом защиты. Он стал фасадом, за которым удобно прятать произвол.

Однажды, выходя из здания суда в небольшом сибирском городе, я увидел, как пожилая женщина держала в руках Библию, перевязанную бечевкой. Суд только что приговорил её сына к шести годам колонии. Она стояла спокойно, без слёз. Когда я подошёл, она сказала: «Они думают, что судят нас. А на самом деле — себя».

Эти слова не нуждаются в комментариях.

Я возвращался домой с ощущением, что пыль, оседающая на страницах этих дел, — это и есть прах той свободы, которой мы когда-то гордились. Прах, в котором еще тлеет слабое тепло — память о том, что такое совесть.

И если сегодня её закапывают под протоколами и экспертизами, завтра на этом месте вырастет то, что уже было однажды — страх, ставший законом.

Я пишу это не ради сенсации. Я просто фиксирую факт: в России вновь началась эпоха, где вера приравнена к преступлению. Только теперь вместо лагерей — судебные экспертизы, вместо доносов — лингвистические заключения, вместо партийных лозунгов — ссылки на статьи уголовного кодекса.

История повторяется не криком, а шёпотом. Бумажным шорохом.

Я собираю эти бумаги, лист за листом, и понимаю: за каждой подписью, за каждым словом «экстремизм» стоит чья-то судьба. И чем больше этих бумаг, тем меньше воздуха остаётся тем, кто еще пытается говорить правду.

Свобода не умирает мгновенно. Она превращается в прах медленно — под ударами печатей и штампов.

И если этот прах не развеять, он станет цементом для новой стены, за которой снова будут судить не за преступления, а за веру.

Глава 2. Охота на веру

Истоки этой кампании — в сознании, в языке, в том, как постепенно формировалось новое отношение к религии. Тот, кто контролирует смысл слова, контролирует и то, кого завтра можно назвать врагом.

Слово «секта» когда-то означало просто «отделившаяся группа». В российском употреблении оно превратилось в приговор. Это не термин, а клеймо.

В середине девяностых годов на фоне роста интереса к вере возник страх. Общество, не привыкшее к религиозному разнообразию, искало простые ответы. Кто-то видел в новых движениях источник духовного возрождения, кто-то — угрозу государству. На этом страхе и вырос антикультовый дискурс. Его ядро составили бывшие чиновники и богословы, взявшие на себя роль экспертов по «опасным культам». Так на сцену вышел Александр Дворкин — человек, который позже станет центральной фигурой всей этой идеологической машины.

Я нашёл его ранние публикации. Они писались с показной академичностью, но между строк чувствовался фанатизм. Он утверждал, что секты действуют «по законам мафиозных структур», что их цель — «подрыв традиционных устоев». Эти формулировки быстро переключались в официальные документы. В них не было эмпирики — только вера в то, что чужая вера опасна.

Когда я начал анализировать хронику конца девяностых, увидел, как медленно, но последовательно формировалась модель «охоты на веру». Сначала — публичные лекции о «психологическом насилии в сектах». Затем — совместные семинары с сотрудниками прокуратуры. Потом — участие в парламентских слушаниях. Постепенно антикультовое движение из маргинального кружка превратилось в советнический аппарат при власти.

Эта эволюция почти незаметна, но документально прослеживается. В отчетах говорится, что «религиозное многообразие создает риски для общественной стабильности». Из этого тезиса выросла идея «контролируемой духовности». Свобода совести допускалась лишь в рамках, определенных государством.

Я видел стенограммы конференций, где те же люди, что писали «экспертные заключения» против Свидетелей Иеговы, рассуждали о необходимости «духовной безопасности». Это словосочетание — русское изобретение. Оно звучит благородно, но означает простое: государство решает, во что гражданину можно верить.

Постепенно к этому движению подтянулись журналисты. Печатались статьи с одинаковыми заголовками: «Секта рядом», «Как защитить детей от вербовки», «Осторожно, свидетели». Тексты не проверялись — в них не требовалось доказательств. Важно было создать атмосферу угрозы. Я сравнивал публикации

и видел, что многие фразы совпадают дословно. Это был уже не журналистский материал, а методичка.

В 2009 году состоялся один из первых крупных форумов «по противодействию деструктивным культам». Среди организаторов — государственные органы, представители церкви и тот же Дворкин. Тогда же прозвучала мысль, ставшая программной: «Свобода совести не должна превращаться в свободу разрушения». В этих словах чувствуется логика репрессий — подмена свободы безопасностью.

Когда я встречался с людьми, которые тогда участвовали в обсуждениях, они говорили спокойно, без злобы. Они действительно верили, что защищают общество. Вот что страшно: эта система держится не на садизме, а на убежденности. Человек, уверенный, что борется с «опасными сектами», не чувствует вины, когда требует запретить собрание верующих.

С начала 2000-х годов антикультовое движение в России стало получать поддержку государства, которая усилилась к 2010-м годам. В ряде вузов были введены курсы по изучению новых религиозных движений, финансируемые через государственные гранты. Эти программы готовили экспертов, чьи заключения использовались в судебных разбирательствах, связанных с деятельностью «деструктивных» организаций. Таким образом, движение трансформировалось в институционализированную систему, сотрудничающую с правоохранительными органами.

Я говорил с одним бывшим сотрудником Центра по противодействию экстремизму, который участвовал в проверках религиозных общин. Он не скрывал, что основанием для обысков служили именно доклады антикультовых организаций. «Они дают нам ориентировку, — сказал он. — Мы просто выполняем». Простая цепочка: эксперт придумывает угрозу, силовик её подтверждает, суд утверждает.

Но почему именно Свидетели Иеговы стали главным врагом? Ответ — в удобстве. Это мирная, дисциплинированная группа, не склонная к сопротивлению. Арестовывать таких безопасно. К тому же они легко вписываются в шаблон «чужих» — замкнутая структура, международные связи, особая терминология. Всё это идеально подходило под образ «опасной секты».

Я нашёл стенограмму одного совещания 2016 года, где представители силовых структур прямо говорили: «Свидетели Иеговы — это испытательный полигон. На них мы отработаем механизм противодействия религиозному экстремизму». После этой фразы больше не оставалось сомнений: речь идет не о защите граждан, а о тренировке репрессивной системы.

Массовая кампания началась именно тогда. На телевидении появились сюжеты с кадрами обысков, в которых крупным планом показывали Библии и журналы, будто речь шла о запрещенных веществах. Комментарии были одни и те же: «организация запрещена», «собрания носят экстремистский характер». Никто не объяснял, что именно экстремистского в чтении Писания.

В архивах я нашел аналитическую записку, где говорилось: «Главная задача — не дать сектам создать позитивный образ в СМИ». Это означало цензуру без цензурных приказов. Просто журналистам советовали «согласовывать материалы с компетентными экспертами». Так ложь стала нормой служебного долга.

Антикультовое движение выстроило сеть взаимной поддержки. Одни писали статьи, другие цитировали их как «мнение экспертов», третьи ссылались на публикации как на «данные СМИ». В результате создавалась иллюзия консенсуса: будто общество действительно видит в верующих угрозу.

Иногда эта система давала сбои. В 2014 году один из лингвистов, участвовавший в экспертизе по делу о религиозной литературе, отказался подписывать заключение. В его письме сказано: «Меня попросили признать экстремизм там, где его нет. Я не могу участвовать в этом». Письмо замяли, фамилию стерли из базы. Но сам факт сопротивления говорит: не все готовы были превращаться в инструмент. Я встречал таких людей — немного, но они есть.

Однажды на одном из круглых столов я услышал, как один из «экспертов» произнёс: «Нужно защищать граждан от идеологического вторжения». Я спросил: «А кто защитит граждан от вас?» Он не ответил, только усмехнулся.

Так выглядит уверенность системы, которая не считает себя системой.

Сегодня уже невозможно отделить государственный аппарат от антикультового движения. Они срослись. Дворкин и его единомышленники выступают на официальных площадках, консультируют суды, обучают правоохранительные органы. Их риторика проникла в законы, в учебники, в новостные ленты.

И когда я слышу очередное сообщение о задержании верующих, понимаю: это не эксцесс, а закономерность. В стране, где понятие «вера» приватизировано, всё остальное объявляется еретичеством.

Меня часто спрашивают, почему я посвящаю себя этой работе. Ответ прост: защитить свободу совести как фундаментальную ценность человечества, запечатлев момент, когда она рискует стать привилегией, а не правом. Я стремлюсь к этому ради блага общества и будущего наших детей.

Пока я пишу эти строки, где-то снова проходят обыски. Книги описываются как вещественные доказательства. Эксперты готовят новые заключения. На заседаниях снова будут звучать те же слова: «пропаганда превосходства», «угроза традиционным ценностям».

История повторяется с математической точностью. Только в этот раз она оформлена в бланки и подписи.

Я смотрю на эти документы и понимаю, что «охота на веру» — не метафора. Это система, у которой есть структура, бюджет, должности и план. У неё нет только совести.

Прах свободы превращается в цемент новой идеологической стены, за которой слышен приглушённый голос тех, кто всё ещё молится. Они не требуют мести, не зовут на митинги. Они просто остаются людьми, которые верят. А значит, пока они есть — система не победила.

Глава 3. Экспертиза как оружие

Когда я начал изучать судебные дела, понял: вся эта кампания держится не на силе, не на законах. Она держится на бумаге — «экспертизах». Это новый вид оружия, тихий и бездымный. Не автомат и не дубинка, а документ с печатью.

Я видел десятки таких заключений. Они начинались одинаково: «На основании проведённого лингвистического анализа...». Дальше — набор терминов, которые мало кто понимал. «Семантическое доминирование религиозной лексики», «установка на исключительность», «манипулятивное воздействие». Всё это выглядело как научный язык, пока не читался вывод: текст содержит признаки экстремизма.

Я долго разбирался, откуда взялся этот жанр — экспертиза, которая не исследует, а обвиняет. Первые образцы появились в начале двухтысячных, когда государство искало юридическую формулу для идеологического контроля. После террористических атак начала века власть начала расширять понятие «экстремизма». Постепенно под него стали подпадать не только насилие, но и слова.

Поначалу экспертизы заказывались для проверки публикаций в интернете. Потом — для религиозных текстов. Когда в 2010-х годах в список запрещённых материалов начали попадать религиозные книги, механизм уже работал как часы. Каждая новая экспертиза подтверждала предыдущую, создавая видимость науки.

Я разговаривал с женщиной-лингвистом, которая когда-то участвовала в подобных проверках. Она согласилась говорить без записи: — Мы знали, чего ждут. Приносили материалы и спрашивали прямо: «Нужен экстремизм или нет?» Если нужен — находили. Методика проста: вырезаешь фразу, меняешь контекст, интерпретируешь как призыв к превосходству. Всё. Она говорила спокойно, без злобы. У неё не было ощущения, что она разрушает чужие судьбы. Она просто выполняла заказ.

Я потом понял, почему этот механизм оказался столь устойчив. Он избавил систему от ответственности. Судья говорит: «Я не специалист, я полагаюсь на эксперта». Эксперт говорит: «Я дал научное заключение». Следовательно говорит: «Я просто оформил дело». Никто не виноват, но в результате кто-то сидит в тюрьме.

В одной из экспертиз я прочитал: «Тексты Свидетелей Иеговы содержат вербальные маркеры, формирующие представление о превосходстве их мировоззрения над иными». Я перечитал фразу несколько раз. Если следовать этой логике, любая религия преступна: христианство, ислам, иудаизм — все

утверждают исключительность своей веры. Но судья не рассуждал. Он просто зачитал вывод эксперта.

В другой работе утверждалось, что слово «царство» — «лексема, подразумевающая иерархию и исключение». Это звучит как пародия, но документ имел юридическую силу. На его основании человека лишили свободы.

Я пытался найти следы настоящей методологии. В официальных учебниках по лингвистике нет раздела «определение экстремизма в тексте». Всё это — псевдонаука, выдуманная под конкретные задачи. Но псевдонаука, признанная судом, становится законом.

Я изучал материалы внутреннего семинара для экспертов, проходившего при поддержке министерства юстиции. В программе — доклад «Использование психолингвистических подходов в противодействии религиозному экстремизму». Там прямо говорилось: «Главная цель — научиться выявлять признаки экстремизма в текстах, где он не выражен явно». Фраза впечатляющая по своей сути: искать то, чего нет.

Вспоминаются старые советские методы. Тогда обвиняли в «антисоветской агитации» за слова, которых никто не произносил. Теперь — в «экстремизме» за смыслы, которых никто не вкладывал. Разница лишь в словаре.

Читая эти экспертизы, я чувствовал почти физическое раздражение. Каждая строчка была примером того, как знание превращается в орудие подавления. Научный язык стал дубинкой.

Но за лингвистикой стояла философия — вера в то, что мысль можно измерить, классифицировать и судить. Эта вера и есть суть тоталитаризма.

В одном из дел следователь ссылался на заключение, где утверждалось, что собрания Свидетелей Иеговы «формируют особый тип коммуникации, препятствующий интеграции индивида в социум». С точки зрения социологии это бессмыслица, но в логике обвинения — доказательство вины. Человек становится виновным в том, что у него есть убеждения.

Я разговаривал с адвокатом, защищавшим нескольких верующих. Он рассказывал, как эксперты отказывались являться на заседания, чтобы не отвечать на вопросы. «Они боятся — не суда, а профессионального позора. Потому что любая комиссия, любая кафедра разнесла бы их методiku в прах. Но система держит их за неприкасаемых. Они нужны как прикрытие».

Эти «неприкасаемые» — настоящая элита идеологического аппарата. Им оплачивают командировки, их цитируют телеканалы, их приглашают в университеты. Они выглядят как профессора, но служат тем же, чему служили когда-то цензоры.

Я вспомнил одну из публичных лекций Дворкина. Он говорил уверенно, даже благожелательно, без агрессии, о том, что секты сродни социальным вирусам, от которых нужно защищать общество.

Люди в зале аплодировали. Никто не заметил, как слово «вирус» превратило верующих в биологическую угрозу. После такой метафоры любое преследование кажется санитарной мерой.

Экспертиза, построенная на этой логике, всегда заканчивается одинаково. Она не ищет истину, она подтверждает диагноз.

Когда я начал сопоставлять разные дела, заметил повторяющиеся фразы. Оказалось, что целые абзацы кочуют из одного заключения в другое. Иногда даже с теми же опечатками. Система копирует собственную ложь, пока та не становится нормой.

Я попросил одного независимого лингвиста проанализировать эти тексты. Он долго листал документы, потом сказал тихо:

— *Это не лингвистика. Это религиозная цензура, замаскированная под науку.*

Он был прав. Экспертизы не просто уничтожают верующих — они убивают саму идею объективного знания.

Каждый раз, когда я читаю очередной приговор, в котором фраза «согласно заключению эксперта» заменяет аргументацию, я вижу одну и ту же картину: суд превращается в обряд, эксперт — в жреца, а закон — в веру. Всё это создаёт иллюзию порядка. Бумаги оформлены, подписи стоят, печати поставлены. Но в этом порядке нет правды и справедливости. Есть только холодная тактика страха.

Я вспоминаю человека по имени Владимир, приговорённого к шести годам. В обвинении против него говорилось, что он «вёл занятия, направленные на вовлечение граждан в деятельность экстремистской организации». На деле это были обычные встречи для чтения Библии. Эксперт посчитал, что сама форма коллективного чтения «может оказывать психологическое давление». Суд согласился.

После оглашения приговора Владимир сказал в последнем слове:

— *Вы можете назвать мою веру экстремизмом, но вы не сможете убедить совесть, что правда изменилась.*

Эта фраза потом исчезла из протокола заседания. Её вычеркнули — как и всё, что не вписывалось в схему.

Иногда мне кажется, что в этих экспертизах есть что-то от старой советской психиатрии. Тогда людей признавали невменяемыми за «упорство в убеждениях». Теперь — экстремистами за то же самое.

Я пытался понять, почему общество это принимает. Ответ прост: экспертный язык создаёт иллюзию объективности. Люди верят бумаге. Когда в тексте написано «проведен анализ», никто не спрашивает, какой. Научная лексика стирает сомнение.

Однажды я видел, как судья, зачитывая приговор, запутался в терминах и просто пропустил абзац, чтобы не произносить бессмыслицу. Но это ничего не изменило — приговор всё равно был обвинительный.

Экспертиза — это ритуал очищения судебной власти. Она превращает произвол в науку, ложь — в формулу, насилие — в документ.

Я читаю очередной отчёт и чувствую, как слова теряют вес. Каждое из них использовано против человека: вера, община, Библия, молитва. Всё это теперь «доказательства преступления». И я понимаю: именно в этой точке свобода умирает окончательно — не когда стреляют, а когда подменяют смысл. Механизм работает без сбоев. Он не требует палачей. Достаточно эксперта с гербовой печатью.

Я закончил чтение очередной папки и долго сидел молча. За окном темнело. Где-то в этот момент другой эксперт, в другом городе, писал новую экспертизу не задумываясь, что держит в руках оружие. Просто выполнял заказ... А я записал в своём блокноте одну фразу: *«Когда ложь становится формулой, правда становится преступлением».*

Глава 4. Лингвистика лжи

Да, язык способен убивать. Изучая десятки уголовных дел, я понял: слова — главное орудие этой войны. Ни одна из кампаний против Свидетелей Иеговы не могла бы состояться без превращения языка в инструмент насилия. Всё началось не с приговоров, а с формулировок.

Когда следователь пишет «формирование исключительности», он не думает, что эта фраза будет означать для конкретного человека — приговор, колонию, разрушенную семью. Для него это просто штамп. Но из этих штампов складывается система, в которой слово «вера» уже звучит как «опасность».

Лингвисты, участвовавшие в делах, уверяли, что оперируют научной методикой. Но в их отчётах не было ни данных, ни контекста, ни логики. Это не анализ — это обвинительный акт, записанный научным языком. Я видел заключение, где слово «вера» определялось как «система убеждений, предполагающая исключительность собственных представлений о Боге». Вывод: «наличие признаков идеологической розни». Это даже не ложь — это грамматическое кощунство.

В другой экспертизе утверждалось, что выражение «Бог уничтожит зло» содержит «призыв к насилию». Судья принял это без возражений. Так язык Писания стал уликой.

Когда-то Гоголь писал, что слово — великая сила, способная оживлять или губить. Теперь оно действительно губит.

Я искал закономерность и понял: в основе всех этих заключений — перевернутая логика. Любое утверждение можно превратить в обвинение, если заменить глаголы и существительные. Сказать «мы ищем истину» — и услышать в ответ «вы навязываете истину». Сказать «Бог велик» — и получить «высказывание о превосходстве». Это технология смыслового насилия.

Мне попался архив писем одного профессора, который когда-то преподавал лингвистику в провинциальном университете, а потом стал судебным экспертом. В одном письме он писал коллеге: *«Мы все устали искать объективность. Система требует вывод, не истину»*. И добавлял: *«Если откажешься подписать, лишишься аккредитации»*. Так ложь стала профессией.

Я встречался с одним независимым специалистом. Он согласился проанализировать несколько «экспертиз». После чтения он объяснил, что подобные тексты строятся по шаблону: сначала обозначается «объект исследования», затем вставляется формулировка «содержит признаки воздействия». Содержит — значит уже виновен. Эксперт даже не обязан

доказать наличие эффекта. Само слово «признаки» работает как приговор. Именно эта антикультовая лингвистика стала новым карательным кодом.

Когда-то подобные приёмы применяли в прессе: клеймили «отступников», «врагов народа». Теперь слова те же — в заключениях, в судебных протоколах, в заявлениях пресс-служб. Эпоха научилась говорить ложь «экспертно».

Меня особенно поразила одна формулировка: *«Использование эмоционально окрашенной лексики усиливает влияние на подсознание адресата»*. Её можно применить к любой речи — к проповеди, к стихотворению, к разговору. Но в контексте суда она означает: эмоции — уже преступление.

Система уничтожает язык, чтобы уничтожить смысл. Когда каждое слово подозрительно, говорить правду становится невозможным.

Я видел, как судьи зачитывали приговоры, где эти фразы шли одна за другой, без понимания. Им не нужно понимать — текст сам выполняет работу. Он заменяет совесть.

Постепенно я начал видеть за словами лица. Те, кто писал эти тексты, живут обычной жизнью: читают лекции, публикуют статьи, получают премии. Они не считают себя лжецами. Они убеждены, что служат порядку. Это и есть самая страшная ложь — когда человек верит, что делает добро, разрушая истину.

Я вспомнил один процесс в Поволжье. Молодая женщина, обвиняемая в участии в «экстремистской организации», сказала: *«Если вы считаете преступлением любовь к Богу, тогда судите всех, кто молится»*. В ответ прокурор зачитала цитату из экспертизы: «Фраза "любовь к Богу" усиливает религиозную идентичность и может привести к противопоставлению себя обществу». В зале стояла тишина. Трудно было поверить, что такое произносится всерьёз.

Когда я позже разговаривал с этой женщиной, уже после приговора, она сказала: — *Я не злюсь. Мне даже их жаль. Они не понимают, что делают.* Эта фраза звучала как молитва.

Я всё чаще думаю, что язык — последнее поле сражения. Потеряешь слова — потеряешь свободу. Когда государство устанавливает монополию на смысл, оно уже владеет человеком.

В одном из архивов я нашёл черновики законопроекта о «защите духовных ценностей». Там предлагалось создать специальный орган для контроля за «речевыми практиками религиозных объединений». То есть следить не за действиями, а за словами. От идеи до практики путь короткий. Сегодня эксперты «анализируют тексты», завтра — мысли.

Я не раз слышал от чиновников: *«Мы не боремся с религией, мы боремся с идеологией»*. Но где граница? В их языке религия уже стала идеологией. А вера — информационным риском.

Эта лингвистика лжи удобна ещё и потому, что она универсальна. Её можно применить к любому оппоненту. Сегодня — к Свидетелям Иеговы, завтра — к тем, кто просто сказал не то слово.

И всё это — под видом науки.

Мне кажется, в истории останется только сухой след этих формулировок. Когда-нибудь их будут изучать как памятник эпохи самообмана — времен, когда слово «эксперт» означало «инквизитор с дипломом».

А пока эта лингвистика продолжает работать. Она проникает в пресс-релизы, в новости, в отчёты. И каждое её слово оставляет на совести страны еще одну метку.

Я закрыл папку с очередным делом и понял: ложь не нуждается в громких лозунгах. Она живет в тихих формулировках. И пока эти формулировки продолжают множиться, правда вынуждена шептать.

Глава 5. Суд без истины

Во время сбора материалов для книги, я присутствовал на десятках процессов. Каждое заседание начиналось одинаково — гул в коридоре, скрип дверей, сухие голоса. Люди в форме, люди с папками, люди с усталостью в глазах. На скамье подсудимых — не преступники, а верующие. Кто-то держит в руках тонкую Библию, кто-то просто сидит, не поднимая головы. В этих залах нет споров. Есть сценарий.

Судья читает обвинение: участие в деятельности запрещенной организации, хранение экстремистских материалов, пропаганда превосходства. Слова произносятся ровно, без эмоций. Никто не уточняет, в чём именно «превосходство» — в молитве, в чтении, в вере. Ответ не нужен. На столе лежит экспертиза, и ее вывод заменяет все доказательства.

В небольшом зале провинциального суда я видел, как женщина-адвокат пыталась задать эксперту вопрос: «Поясните, каким образом фраза "Бог спасёт праведных" является экстремистской?» Судья остановил её: «Не отклоняйтесь от темы». Это и была тема. Но суду это было безразлично.

Здесь истина не ищется. Здесь оформляется обвинение. Всё заранее известно: судья не задаёт вопросов, прокурор не сомневается, адвокат знает, что проиграет. В этой тишине не место правде. Есть только ритуал, который нужно довести до конца.

Я понял, что российский суд перестал быть пространством рассуждения. Он превратился в обряд лояльности. В каждом деле видна одна и та же логика: не выяснить, а подтвердить. Суд — как печать на заранее напечатанном листе.

Мне рассказывали адвокаты, что иногда судьи получают готовые приговоры заранее. Им остаётся лишь заменить фамилии. Я не удивился. Эта система выстроена не для поиска истины, а для воспроизводства страха.

На одном заседании в Кемерово мужчина лет шестидесяти, обвиняемый в «организации деятельности экстремистской группы», сказал: — *Я никого не заставлял верить. Мы просто читали Писание. Если это преступление, значит, преступник — сам Христос.* В зале послышался лёгкий шум. Судья попросил тишины и через пять минут огласил приговор: шесть лет колонии. Всё было отмерено заранее, как в лаборатории.

Эти суды — театр, где актёры давно выучили роли. Прокурор должен показать решимость, судья — строгость, адвокат — формальное участие. У зрителей нет аплодисментов, только чувство бессилия.

Самое страшное — равнодушие. Когда человека осуждают, никто не поднимает головы. Даже секретарь, печатающая протокол, не смотрит на подсудимого. Она пишет: «осуждён по статье...» — как будто заполняет бухгалтерскую ведомость.

Однажды я увидел, как мать подсудимого тихо положила руку на стекло клетки. Её сын улыбнулся. Они не говорили ни слова. Судья объявил перерыв, охранники вывели подсудимого, женщина осталась сидеть. Никто не подошёл к ней. В этой сцене — вся суть процесса: человеческое чувство не имеет юрисдикции.

После каждого такого дня я выходил на улицу и долго не мог вдохнуть полной грудью. Воздух в этих городах казался пропитанным бумажной пылью — пылью приговоров. Она оседает в лёгких, в памяти, в языке.

Я читал стенограммы. Судьи часто цитируют экспертизы почти дословно, даже с грамматическими ошибками. Слова экспертов становятся судебной мантрой.

Один молодой судья признался мне после заседания:

— *Понимаете, у нас нет выбора. Решения приходят сверху. Если оправдаю, будет проверка.* Я спросил: «Зачем тогда вы здесь?» Он пожал плечами:

— *Кто-то же должен читать приговор.*

Эта фраза преследует меня до сих пор. Судья, который знает, что выносит несправедливость, но всё равно читает приговор. Так и разрушается право. Не криком, а равнодушием.

Иногда судьи делают вид, что слушают доводы защиты. Они кивают, уточняют, просят пояснить. Но потом всё равно произносят одно и то же: «согласно заключению эксперта...». Это как формула очищения: сослался — значит, невиновен. Судья снимает с себя ответственность, перекладывая ее на бумагу.

Я заметил, что у многих подсудимых взгляд одинаковый — не страха, а усталости. Люди, привыкшие к несправедливости, перестают ждать справедливости. Они просто ждут конца. Это и есть победа системы.

Я разговаривал с женщиной, чьего мужа осудили за «организацию собраний». Она сказала:

— *Мы знали, чем всё закончится. Мы только хотели, чтобы судья хотя бы посмотрел на нас. Не как на дело, а как на людей. Он не посмотрел.*

В этой фразе — всё поражение правосудия. Когда суд перестаёт видеть человека, он превращается в механизм.

Я вспоминаю старые хроники: те же протоколы, те же формулировки — «виновен в распространении идей». История словно повторяет себя с точностью до запятой. Только вместо идеологии теперь религия, вместо партийной линии — борьба с экстремизмом.

Иногда кажется, что сама правда боится входить в эти здания. Она не находит языка, чтобы говорить. Каждый термин уже занят ложью. Даже слово «свобода» звучит здесь как обвинение.

На одном процессе в Санкт-Петербурге я сидел рядом с переводчиком. Подсудимый был иностранец, не говорил по-русски. Когда судья зачитал приговор, переводчик тихо сказал по-английски: «Guilty». И сразу добавил шёпотом: «But not really». Потом опустил глаза.

Правосудие исчезло из языка. Остались только процессуальные формулы. «Рассмотрев материалы дела... установил... признать виновным...». Слова без души, без контекста, без правды. Машина говорит языком, в котором уже нет человека.

Иногда я ловлю себя на мысли, что настоящие свидетели этих процессов — не адвокаты, не журналисты, а стенографистки. Они видят всё, но никогда не выскажутся. Их работа — фиксировать. Они — летописцы молчания.

Один старый адвокат сказал мне:

— Суд — это зеркало общества. А наше общество привыкло жить без зеркал.

Он был прав. Суд лишь отражает то, что мы позволяем происходить.

Когда-нибудь эти протоколы будут читать историки. Они удивятся: как можно было с такой легкостью выносить приговоры за веру? Ответ прост — истину заменили формой, а форму возвели в закон.

Я выхожу из очередного суда и вижу, как конвой ведет человека в наручниках. Он идёт спокойно, даже уверенно. За ним закрываются двери. Я остаюсь с чувством, что истина опять осталась снаружи.

Каждый такой день убеждает меня в одном: суд, в котором нет сомнения, уже не суд. Это аппарат утверждения лжи. Его приговоры — не решения, а документы эпохи, где правда объявлена экстремизмом.

И всё же даже здесь, в этой тишине, остаётся крохотная трещина. Иногда в глазах подсудимых я вижу не страх, а достоинство. Оно не требует оправдания, не просит милости. Оно просто есть — как напоминание о том, что истину нельзя уничтожить постановлением.

Глава 6. Узники совести

Каждый раз, когда я открываю новое уголовное дело, передо мной вместе с папкой бумаг лежит чья-то человеческая жизнь, сложенная в архивный конверт. На обложке — сухие слова: *«по признакам преступления, предусмотренного...»*, а за этой формулой — дом, семья, вера, привычный запах утреннего кофе. Всё, что делает человека человеком.

Я долго колебался, прежде чем начать писать об узниках совести. Хотел сохранить дистанцию, чтобы не потерять холод расследования. Но чем глубже вчитываешься в материалы, тем труднее оставаться только журналистом. Перед фактами невозможно быть равнодушным.

Первые письма я получил от жен и матерей арестованных. Они писали без жалоб, сухо и просто, будто продолжают вести дневник. *«Сегодня снова передали посылку. Он держится. Говорит, что читает Библию из памяти»*. В этих строках не было отчаяния — только внутренняя сила, какой не встретишь в протоколах.

В одном из писем женщина рассказывала: *«Следователь сказал, что мой муж враг государства. Я спросила — за что? Он ответил: “За организацию собраний”. Мы жили тихо, работали, никому не мешали. Теперь нас называют экстремистами»*. Она закончила фразой, которую я запомнил навсегда: *«Если правда становится преступлением, значит, мир сошел с ума»*.

Я поехал к ней в город на Волге. Дом стоял на окраине, рядом — небольшой огород. Она встретила меня спокойно, без слёз. На стене висела фотография мужа: обычное лицо, ничего героического. Она сказала: *«Он не герой. Просто верит. И за это сидит»*.

В камерах, где содержатся такие люди, нет бунтов, нет протестов. Они не требуют пересмотра приговора — они молятся. Для тюремной системы это самый непонятный тип заключенного: тихий, дисциплинированный, без агрессии. Их называют «особенными». Конвоиры иногда даже смущаются, когда открывают двери камер. *«У вас всё спокойно, граждане верующие?»* — спрашивают с неловкой улыбкой.

Но спокойствие — не равнодушие. В каждом письме из колонии чувствуется стальной стержень. Один из заключённых писал: *«Они могут отнять у нас стены, но не смысл. А смысл — это вера. Пока мы помним, за что сидим, мы свободны»*. Эти слова напоминают мне письма из лагерей — та же интонация внутренней свободы, которую невозможно запретить.

Я говорил с адвокатами, которые посещали колонии. Они рассказывали, как администрация иногда использует верующих как пример «порядочного

поведения». Ни одной драки, ни одного нарушения. Парадокс: система репрессий нуждается в тех, кого сама же объявила преступниками, чтобы сохранять видимость порядка.

В одном регионе я встретил мужчину, освобожденного условно-досрочно. Он отсидел четыре года за «участие в деятельности экстремистской организации». Мы сидели в небольшой квартире, он говорил тихо, без пафоса: *«Первое время я пытался понять, за что. Потом понял, что ответа нет. Там никому не важно «за что». Важно, чтобы был отчет, цифра, результат. Меня посадили, потому что кому-то нужно было показать борьбу с экстремизмом»*. Я спросил, не жалеет ли он. Он ответил: — *«Нет. Лучше быть осужденным за правду, чем оправданным за ложь»*.

Такие фразы звучат слишком чисто для нашего времени, почти наивно. Но именно в них — спасение. Они напоминают, что слово может снова значить то, что означает.

Я листал списки заключённых. География огромна: Архангельск, Омск, Саратов, Белгород, Крым, Хабаровск. Сотни имён. Одни уже освобождены, другие ждут апелляций, третьи пишут из колоний письма, которые никто не публикует. У всех похожие обвинения, одинаковые формулировки. Система клонирует вину так же, как раньше клонировала экспертизы.

В одной из справок, направленных в Европейский суд, говорится, что более 400 человек стали фигурантами дел о «экстремизме» только за участие в богослужениях. Среди них пенсионеры, студенты, женщины с маленькими детьми. Несколько умерли в СИЗО, не дождавшись суда. Это сухие цифры, но за каждой — реальность.

Я попытался сопоставить биографии. Почти все — безупречные граждане, с постоянной работой, без долгов, без правонарушений. У некоторых государственные награды. Но в обвинении это не имеет значения. Главное — принадлежность к «запрещенной организации».

Один следователь, не выдержав, сказал в интервью: — *Иногда смотришь на человека и понимаешь, что перед тобой не преступник. Но закон есть закон. А где тут закон?! – хочется спросить. Это уже не закон, а его тень*.

Женщина по имени Галина, преподаватель математики, провела в СИЗО восемь месяцев. В ее деле было написано: *«Проводила занятия, на которых цитировала тексты, признанные экстремистскими»*. Эти тексты — Святое Писание. Она рассказывала, как в камере учили наизусть стихи из Евангелия, чтобы не забыть. «Это помогало держаться», — сказала она. После освобождения ей запретили преподавать.

Когда я спрашивал ее, не чувствует ли она ненависти, она ответила просто: — *Нет. Если я начну ненавидеть, они победят.*

Эти слова я записал в блокнот, не исправляя ни одного звука. Они звучали сильнее любой политической речи.

Узники совести не похожи на диссидентов прошлых эпох. Они не борются с властью, не требуют реформ, их протест спокоен. И именно это спокойствие страшит систему. Ведь власть привыкла к сопротивлению, но не к достоинству. Против внутренней тишины у нее нет оружия.

Я видел фотографии из колоний: аккуратные лица, улыбки, письма, сложенные вчетверо. Эти люди напоминают, что человеческое достоинство не измеряется приговором. Они — живое доказательство того, что совесть можно посадить в тюрьму, но нельзя заставить ее молчать.

Нет, я не романтизирую страдание. В каждой истории есть своя боль, болезни, разрушенные семьи, но есть и что-то большее: способность прощать. Один из осуждённых написал в письме жене: *«Я молюсь за следователя. Ему труднее, чем мне. Он живёт во лжи, а я — в правде».*

В системе координат, где «экстремизм» приравнивается к вере, узники совести становятся последними свободными людьми. Их тюрьмы — зеркала, в которых отражается моральное состояние страны.

Один старик, освобожденный после пяти лет колонии, сказал мне:

— *Они думали, что посадили нас. А на самом деле — себя. Мы свободны, они — нет.*

Я не смог возразить. Это не метафора. Это диагноз.

Я часто возвращаюсь к их письмам. В них нет политики или призывов, только светлая уверенность в том, что добро имеет смысл само по себе. Иногда думаю, что именно эти письма — настоящий учебник гражданского мужества для будущих поколений.

Когда-нибудь историки будут спорить, как назвать этот период. Возможно, найдут сложное слово — «религиозно-правовая деградация» или «системный экстремизм государства». Но для тех, кто сидел, все это будет просто временем испытания веры.

И когда читаешь их строки: *«Держимся, не теряем надежду»* — понимаешь, что надежда действительно сильнее страха. А страх — единственное, чем живёт система. Значит, пока есть эти люди, она обречена.

Глава 7. Архитекторы страха

Всё чаще думаю: страх — это не туман, который сам собой спускается на страну. Его кто-то создаёт. У каждого страха есть автор. Если проследить цепочку — от судебных приговоров к экспертным заключениям, от заключений к докладам, от докладов к лекциям и интервью, — в центре этой паутины всегда одни и те же имена.

Когда я впервые услышал фамилию Дворкин, она звучала как примечание на полях истории. Но постепенно я понял, что это не просто человек, а символ эпохи. Это он выстроил антикультовую систему — тонкую, незаметную, влияющую на умы судей, прокуроров, журналистов и священников. Её можно назвать «инфраструктурой страха».

Я присутствовал на его конференции о «духовной безопасности». Он говорил мягко, без нажима, словно лектор перед студентами. На экране за его спиной — слайды с надписями: *«Психологическое насилие в сектах»*, *«Манипуляции сознанием»*, *«Меры противодействия»*. В зале сидели чиновники, священники, сотрудники правоохранительных органов. Никто не сомневался в сказанном. Дворкин говорил, что мы должны защищать людей от духовного рабства, и что секты опаснее наркотиков, потому что они крадут душу.

Эта фраза прошла по залу, как пароль. Никто не спросил: кто дал право определять, что есть «рабство» и что есть «вера»? Никто не заметил, что под видом заботы о «душах» оправдывается контроль над свободой совести.

Именно на таких форумах рождались будущие приговоры. Не в судах — в аудиториях, где формировали язык страха. Отсюда в следственные комитеты уходили тезисы: «опасная идеология», «деструктивные группы», «угроза стабильности». Этот словарь заменил факты.

Я изучал сеть антикультовых организаций, связанных с Дворкиным. Их не так много, но влияние огромно. Через конференции, публикации, экспертные советы они проникли в государственную систему. Под видом «независимых экспертов» они готовят заключения, по которым потом выносятся приговоры. В университетах открываются кафедры сектоведения, в СМИ появляются одинаковые сюжеты. Все повторяет лексику одного источника.

В одном из внутренних отчетов, который мне удалось увидеть, прямо сказано: *«Основная задача — выработка единого дискурса для органов правопорядка и церкви в вопросах борьбы с деструктивными культами»*. Это и есть формула идеологического симбиоза: церковь поставляет язык, государство — силу.

Я пытался поговорить с бывшими студентами, проходившими курсы «религиозной безопасности». Они вспоминали лекции о «психотехниках

воздействия», о «вербовке через литературу», о «распознавании сектантов по поведению». Один сказал:

— *Нам объясняли, что у Свидетелей Иеговы особый взгляд, будто гипнотический.*

Я спросил: «Вы сами видели?» Он ответил: «Нет, но профессор говорил».

Так страх становится наукой, а слухи — доказательством.

Архитекторы страха строят не стены, а смысл. Они меняют само представление о норме. Когда их риторика закрепляется в законах, слово «вера» теряет право быть личным выбором.

В одном из его интервью Дворкин сказал:

— *«Мы не против свободы вероисповедания, а против организаций, разрушающих личность через манипуляции и контроль».*

Звучит вроде гуманно. Но за этой фразой — разрешение на вмешательство в частную жизнь. Раз «личность разрушена», значит, её можно спасти против воли.

Идеология антикультового движения удобна тем, что она всегда права. Если человек не согласен — он уже под подозрением. Любой диалог заранее проигран, потому что в глазах системы несогласие — симптом.

Я видел, как его последователи выступали в судах в роли «экспертов». Одни и те же лица — из года в год. Их заключения отличаются лишь заголовками. Когда один из адвокатов попытался задать вопрос об источниках их выводов, судья остановил его: «Эксперт — не подсудимый». В этой фразе — весь смысл новой инквизиции.

Дворкин создал идеальный механизм власти над словом. Он не приказывает — он объясняет. Его книги цитируют в учебниках, его тезисы повторяют прокуроры, его определения становятся официальными. Власть любит такую науку — не требующую доказательств.

Но я вижу и другое: без государственного запроса эта идеология не выжила бы. Государству нужно оправдание репрессий, а антикультовое движение дает язык. Так возник симбиоз — идеологи и исполнители. Одни формулируют страх, другие превращают его в приговор.

В архивах я нашел стенограммы круглых столов, где антикультовые активисты обсуждали с силовиками «координацию действий». Там говорилось о «профилактике через правоприменение» — фраза, по сути означающая репрессии до преступления. Превентивная вина.

Меня поразило, насколько точно все выстроено. Никаких тайных заговоров — только институциональный порядок. Доклады, кафедры, гранты, согласования. В этом и есть сила современной идеологии: она легальна.

Архитекторы страха не носят мундиров. Они говорят академическим языком, цитируют психологов и богословов. Их задача — не кричать, а формулировать. Они создают картину мира, где контроль кажется защитой, а репрессия — заботой.

Я видел, как этот язык проникает в учебные заведения. Учителям рекомендуют «информировать учащихся о признаках сектантского влияния». Детям объясняют, что есть «опасные верующие». Так формируется новое поколение подозрительности. Когда-то в Советском Союзе учили бояться «врагов народа». Теперь учат бояться «нетрадиционных религий». Разница лишь в названии.

Я попытался связаться с одним бывшим чиновником, который участвовал в создании государственной программы «по духовной безопасности». Он согласился поговорить при условии анонимности.

— Мы тогда верили, что защищаем страну, — сказал он. — Но потом стало ясно: нас используют. Всё превратилось в охоту.

— Почему не сказали?

— Потому что уже было поздно. Система кормила сама себя. Страх стал профессией.

Эта фраза точна. Страх действительно стал профессией. Есть эксперты по страху, журналисты страха, чиновники страха. У всех — свои отчеты, бюджеты, должностные инструкции. У страха — ведомственный бланк.

Иногда я думаю, что в этой идеологической архитектуре есть нечто от средневекового зодчества. Она выстроена на вере в собственную правоту. Каждый камень подогнан, каждая трещина замазана словом «безопасность». Только фундамент — из лжи.

Страх держится на людях, которые верят, что он необходим. Но стоит кому-то усомниться — трещины появляются везде. Иногда мне кажется, что именно этого архитекторы боятся больше всего. Они строят стены, потому что сами живут в страхе перед свободой. Ведь свобода совести — неуправляемая стихия. А человек, не поддающийся контролю, для них прямая угроза.

Но любая архитектура страха недолговечна. Камни лжи всегда рушатся под весом того, что они пытаются скрыть — под весом совести.

Глава 8. Новый рейх

В какой-то момент я понял, что слова «традиционные ценности» и «духовная безопасность» в официальных речах звучат чаще, чем слова «свобода» и «закон». Это не просто изменение лексики — это симптом.

История повторяется не зеркально, а по спирали. Сегодняшний антикультовый проект — переработанный шаблон старого тоталитаризма, приспособленный к цифровому веку. Новый рейх не требует факельных шествий, лагерей и лозунгов. Он строится из идей, документов, экспертиз, ток-шоу, законов о «защите чувств» и телевизионных речей о «национальной идентичности».

Я вижу, как шаг за шагом формируется идеологическая конструкция, в которой человек существует лишь как часть «духовного организма». В этой схеме индивидуальная совесть — помеха, частное мнение — угроза, вера — предмет надзора. И всё это произносится с улыбкой и кротким тоном проповедника.

На одном из государственных форумов представитель религиозного совета сказал:

— *Россия стоит на пороге духовной войны. Нам нужна мобилизация сознания.*

Эта фраза прошла без комментариев, как нечто само собой разумеющееся. Мобилизация сознания — вот формула нового рейха. Не концентрационные лагеря, а концентрация мышления.

Внутри этой системы каждый имеет свое место. Эксперт — указывает, кого бояться. Судья — утверждает страх законом. Телевидение — объясняет, почему страх — благо. Гражданин — повторяет, чтобы не выделяться. Так строится идеологическая вертикаль.

Когда я читаю отчеты антикультовых организаций, меня поражает их лексика. Там нет людей — только «объекты воздействия», «члены деструктивных сообществ», «подверженные идеологической манипуляции». Этот язык дегуманизации, почти медицинский. Так в Третьем рейхе писали о «неполноценных». Разница лишь в терминах.

Новый рейх питается не фанатизмом, а равнодушием. В нём нет массовых демонстраций, нет кумира, но есть привычка к подчинению. Люди привыкают к мысли, что за них уже решили, кто «правильный». Привычка — самая устойчивая форма диктатуры.

Я часто думаю о том, как легко идеология маскируется под патриотизм. Сначала говорят о защите традиций, потом — о защите от чужих. Потом чужим

становится любой, кто задаёт вопрос. Эта логика безошибочна и всегда ведёт к одному исходу.

Новый рейх не нуждается в кострах. Его оружие — семинары, экспертизы, поправки к законам. Его гимн — фраза «для защиты общества». А главное — его враги не знают, что они враги, пока к ним не приходят с обыском.

Я вижу, как эта идеология экспортируется за пределы России. В Восточной Европе появляются «эксперты по сектам», цитирующие тех же авторов. В азиатских странах проходят конференции о «духовной безопасности». В некоторых государствах начинают копировать российскую практику религиозных запретов. И страх становится транснациональным товаром.

Но в каждой империи страха есть изъян — собственная ложь. Чем громче власть говорит о духовности, тем меньше в ней духа. Чем больше она требует единства, тем глубже раскол. Эта система не может жить без врагов, а значит, обречена искать их вечно.

Новый рейх не провозглашает себя громко. Он строится тихо — через бюрократию, через экспертов, через школы. Его лозунг прост: «Сначала безопасность, потом совесть». Но когда совесть ставят на «потом» — она уже не возвращается.

Я видел, как на одном процессе судья произнес:

— *Государство имеет право защищать граждан от опасных идей.*

Эта фраза могла бы стоять на гербе любой диктатуры. Только диктатура не начинается с насилия — она начинается с языка ненависти.

Иногда я думаю: возможно, новый рейх уже победил — не снаружи, а внутри сознания. Когда человек начинает верить, что свобода опасна, — всё остальное уже сделано.

Но история показывает: ни один режим страха не вечен. Рухнули все империи, которые объявляли себя единственными хранителями истины. Рухнет и этот. Потому что в человеке всегда остается точка, до которой власть не дотягивается — совесть. Она может спать, но не умирает.

Я видел ее в глазах тех, кого называли экстремистами. Они сидели за решёткой, но были спокойны. Их не сломали, потому что страх не действует на тех, кто не боится. В этом и кроется конец любого рейха — он бессилен перед внутренней свободой.

И когда-нибудь историки будут листать наши сегодняшние документы, эти аккуратные протоколы с гербовыми печатями, и писать: *«Так выглядела новая*

форма старого тоталитаризма». Им будет трудно поверить, что все это делалось во имя добра.

Но они увидят: система, строящаяся на страхе, всегда повторяет одну ошибку — она забывает, что человек не лабораторный объект. Он способен сказать «нет». И это «нет» разрушает любые стены.

Глава 9. Экспорт ненависти

Когда я начинал это расследование, мне казалось, что история гонений на Свидетелей Иеговы — внутреннее российское явление. Я ошибся. Любая идеология, построенная на страхе, рано или поздно ищет экспорт. Ненависть — это товар, и его всегда готовы купить те, кто боится свободы.

Я заметил, что начиная с середины 2010-х годов антикультовый дискурс стал появляться за пределами России. Те же формулировки, те же эксперты, даже те же фотографии — просто переведенные на другие языки. В Восточной Европе, на Балканах, в Центральной Азии, на Ближнем Востоке проходили конференции о «борьбе с деструктивными культами». Организаторы одни и те же: ассоциации, тесно связанные с российскими структурами.

Я посмотрел список участников одной такой встречи, проходившей в Белграде. Среди них — представители российского «Центра религиоведческих исследований», известного своими заключениями по делам Свидетелей Иеговы. В программе — доклады о «сектах как угрозе национальной идентичности». Все выглядело как научное мероприятие, пока не читаешь тезисы: «методы нейтрализации деструктивных движений», «информационные операции против сектантства», «духовная безопасность Европы». Так пропаганда научилась говорить языком науки.

Вслед за конференциями пришли публикации. В европейских и азиатских СМИ стали появляться статьи о «русском опыте борьбы с культами». Те же аргументы, что в российских газетах: «тоталитарные секты», «манипулирование сознанием», «вмешательство в семьи». Даже обороты одинаковые — будто переведены из одного методического пособия.

Я проследил цепочку. Источником оказался ряд организаций, получавших гранты на «просветительскую деятельность в сфере духовной безопасности». Формально — частные НКО, по сути — филиалы антикультовой сети, выросшей из идей Дворкина. Их доклады рассылались в международные структуры, где чиновники, не вникая, цитировали их как «данные независимых экспертов». Так ложь получала европейскую прописку.

В одной западной стране по этим «данным» даже начались парламентские слушания о «борьбе с религиозным экстремизмом». В качестве примера приводили российские дела против Свидетелей Иеговы — не как пример репрессий, а как образцовый опыт. Мне было физически трудно читать эти отчёты: они говорили тем же тоном, что и российские эксперты, только с европейским акцентом.

Я понял, что антикультовая идеология не знает границ, потому что ее топливо — страх, а страх универсален. Он одинаково действует в любой культуре, если найти нужные слова: «защита детей», «национальные ценности», «моральная чистота». Под этими словами можно оправдать всё — от запрета собраний до тюремных сроков.

Я разговаривал с правозащитницей из Восточной Европы. Она рассказывала, как в ее стране начали появляться «эксперты по культам», приглашенные из России. Они консультировали местных чиновников, давали лекции о «психологическом насилии», распространяли пособия, где почти дословно повторялись российские тексты. Через несколько лет в стране начались первые судебные процессы против малых религиозных движений. Сценарий был тем же: экспертиза — обвинение — приговор.

Так ненависть получает видимость легальности. Ее не навязывают грубо — ее внедряют как «опыт» и «помощь». Россия стала не просто источником репрессий, а поставщиком идеологической технологии.

Я нашел упоминания о том, как российские антикультовые активисты участвовали в форумах в Италии, Германии, на Кипре. Там они представляли себя «жертвами сектантского насилия» и требовали ужесточения законодательства. Некоторые из них сотрудничали с местными церковными структурами, используя общий страх перед «нетрадиционными религиями». Так создавалась международная сеть доверия — во имя страха.

Но у этого экспорта есть особенность — он не приносит прибыли, только власть. Страх не делает богатым, но делает послушным. Государства, принимающие эту модель, получают удобное оружие против любого инакомыслия. Объявить кого-то «деструктивным» — значит исключить его из общества. Это дешевле, чем спорить.

Я видел, как отдельные западные издания начали ссылаться на российские «исследования» в своих материалах. В одном немецком журнале появилась статья о «новых угрозах религиозного экстремизма». Автор приводил в пример «сектоведческие экспертизы из России» как «модель системного подхода». Статья не содержала ни одного факта, только обобщения. Но она легализовала саму риторику.

Так ненависть, однажды оформленная как доктрина, становится интернациональной. Ее структура везде одинакова: враг — жертва — спаситель. Сначала создают врага, потом демонстрируют жертву, потом предлагают спасение. Это трехступенчатая формула пропаганды, отточенная еще в двадцатом веке.

Я понял, что бороться с таким явлением сложно, потому что оно не выглядит агрессивно. На конференциях говорят о «правах человека», «безопасности», «психологической помощи». Никто не произносит слово «запрет». Оно спрятано в бюрократических формулах.

Иногда мне кажется, что этот экспорт ненависти опаснее внутренней цензуры. Внутренняя система разрушает страну изнутри, а внешняя заражает мир идеей, что свобода совести — роскошь. Когда эту мысль принимают даже на Западе, это уже не российская проблема — это глобальный кризис мышления.

Я вспоминаю слова одного священника, сказанные мне в разговоре: — *Когда церковь соглашается с властью против человека, она теряет душу. То же можно сказать о мире. Когда общество соглашается с властью против совести — оно теряет будущее.*

И все же даже здесь, среди потока отчетов, конференций, протоколов, остаются люди, которые не приняли эту ложь. В разных странах появляются адвокаты, журналисты, правозащитники, называющие вещи своими именами. Они видят, что «русская модель» — это не защита, а репрессия, замаскированная под заботу.

Ведь экспорт ненависти — это не пересечение границ, а перенос идей. И если эти идеи укореняются в других странах, мир начинает медленно терять иммунитет против тоталитаризма.

В двадцатом веке человечество уже проходило через это. Тогда идеология тоже казалась научной, рациональной, направленной на «очищение общества». Сегодня история повторяется, только вместо расовых теорий — «духовная безопасность».

Иногда мне кажется, что мы снова стоим у начала большого цикла. Ненависть, прикрытая благими словами, уходит в оборот. Она продается под видом заботы, распространяется как вирус доверия, живёт в университетах, в медиа, в законах. Но, как и любой вирус, она не вечна.

Глава 10. Молчание Европы

Я часто думаю о том, что самое страшное в репрессиях — не сами палачи, а тишина вокруг них. История знает немало примеров, когда злоросло именно в пустоте звука. Сегодня эта пустота зовется дипломатией, политическим прагматизмом, «невмешательством во внутренние дела».

Когда в России начали сажать людей за молитвы, Европа отреагировала вежливо. Несколько резолюций, осторожные заявления, редкие публикации в прессе. Потом — тишина. Слово все происходящее где-то далеко, не имеет отношения к общим ценностям.

Я был на одном заседании в Брюсселе, где обсуждались нарушения свободы вероисповедания. Зал был полон представителей правозащитных структур, журналистов, дипломатов. Когда речь зашла о Свидетелях Иеговы, атмосфера изменилась. Кто-то кашлянул, кто-то посмотрел в телефон. Один чиновник из министерства иностранных дел сказал тихо:

— Тема сложная. Нужно учитывать политический контекст.

Контекст. Это слово стало прикрытием для бездействия.

Когда я читал отчеты Европейского парламента, поражала их тональность: «выражаем обеспокоенность», «призываем к диалогу», «считаем важным продолжать наблюдение». За этими словами — ноль действий. За каждым «призываем» скрывается страх потерять дипломатический баланс. В политике, как и в судах, формула важнее содержания.

Я встречал европейских журналистов, которые хотели писать об этих делах, но редакторы останавливали: «Тема не резонансная». В медиа интерес к России жив только тогда, когда речь о нефти, войне или шпионаже. Судьба верующих не дает рейтингов.

Один немецкий корреспондент сказал мне:

— Публике проще сочувствовать жертвам войны, чем жертвам несправедливости. Война видима. Суд — нет.

Он был прав. Война требует фотографий. Суд требует совести.

Я вспомнил, как в начале расследования писал письма в несколько европейских НКО, просил обратить внимание на российские приговоры. Ответы приходили сухие: «Мы мониторим ситуацию». Мониторинг стал заменой действия. Наблюдать проще, чем вмешиваться.

В 2021 году Европейский суд по правам человека признал преследование Свидетелей Иеговы нарушением фундаментальных свобод. Решение прошло почти незамеченным. Ни громких заголовков, ни политических заявлений. Россия его просто проигнорировала. Европа — промолчала. Так молчание превратилось в согласие.

Мне вспоминается фраза из старого выступления одного философа: *«Свобода перестает быть универсальной ценностью, когда ей начинают искать оправдания»*. Сегодня это происходит на наших глазах. Европейская мораль стала избирательной.

Я говорил с французским депутатом, который однажды выступал против религиозной дискриминации. Он сказал:

— Люди устали от больших слов. Они хотят стабильности.

Стабильность без совести — это стагнация. История уже доказала, чем заканчиваются компромиссы с тиранией. Молчание Европы объясняют политикой, но на самом деле это страх. Страх признать, что авторитаризм снова заразил мир, что границы больше не спасают от беззакония. Проще закрыть глаза, чем признать, что вирус уже внутри нашего общества.

В одной скандинавской стране, где я выступал с докладом, женщина из аудитории спросила:

— Почему мы должны заботиться о свободе и правосудии в другой стране?

Я ответил:

— Потому что равнодушие не знает границ. Сегодня вы молчите о чужой тюрьме, завтра кто-то промолчит о вашей.

Логика всегда повторяется. Европа знает это, но каждый раз делает вид, что не помнит. В сороковые она молчала о лагерях. В восьмидесятые — о ГУЛАГе. Теперь — о судах за веру. Молчание — самый устойчивый навык цивилизации.

Я не идеализирую Запад. Но когда страны, называющие себя оплотом прав человека, перестают защищать право человека верить, они теряют моральное право на лидерство. Свобода, разделенная на зоны интересов, превращается в валюту.

Один дипломат сказал мне:

— Мы не можем рисковать отношениями из-за религиозных меньшинств.

Значит, в современном мире права человека — уже не основа, а помеха?!..

Я вспоминаю лица тех, кого я видел в российских судах, — тех, кто молился сквозь решётку. Им всё равно, говорит ли о них Европа или молчит. Но для самой Европы это молчание — саморазрушение. Потому что правду можно не замечать, но нельзя отменить.

Однажды в маленьком берлинском кафе я встретил молодого историка. Он сказал:

— *Молчание Европы всегда кончается криком. Только тогда уже поздно.*

Может быть, эта книга — попытка прервать молчание, пока оно не стало привычкой.

Глава 11. Размытая совесть

Иногда мне кажется, что у всего происходящего есть одно общее слово — размытость. Размытые границы закона, понятий, ответственности. Никто не произносит ложь прямо, но каждый немного отступает от правды, и мир постепенно утрачивает контуры. В этой серой зоне совесть становится роскошью.

Люди творящие беззаконие, при этом искренне не считают себя участниками репрессий. Следователь говорит: «Я просто оформляю». Судья: «Я не эксперт». Эксперт: «Я не решаю, кого судить». Журналист: «Я только передаю информацию». Каждый чист перед собой, и именно поэтому всё работает. Так рождается безличное зло — без злодеев, без идеологов, без крови на руках, только с печатями на бумагах.

Когда я беседовал с молодыми юристами, готовящимися стать прокурорами, один из них сказал:

— *Вы слишком драматизируете. Надо соблюдать процедуру, а не эмоции.*

Я спросил: «А если сама процедура несправедлива?»

Он пожал плечами: «Значит, надо работать аккуратнее». Совесть подменена аккуратностью...

В одной колонии осужденный рассказал мне:

— *Самое трудное — не стены, а то, что снаружи никто не чувствует вины. Никто. Даже те, кто знает, что мы невиновны.* Он замолчал и добавил: «Видимо, у совести теперь гибкий график».

Эта гибкость — главная болезнь времени. Совесть больше не ориентир, а опция. Её можно включить или выключить, в зависимости от обстоятельств. Так государство превращает мораль в инструмент.

В университетах я слышал лекции о «ценностно-нейтральной юриспруденции». Преподаватели объясняли, что судья не должен руководствоваться эмоциями, а только законом. Но если закон сам стал инструментом несправедливости, нейтральность превращается в соучастие.

Иногда я думаю: может, совесть просто устала? Устала кричать в пустоту, доказывать очевидное. И на смену ей приходит равнодушие — самая удобная форма зла. Оно не требует верности и не вызывает чувства вины. В нём спокойно.

На одном из семинаров для журналистов я услышал фразу: *«Главное — не становиться на чью-то сторону»*. Но разве истина не требует стороны? Молчание тоже позиция, только в пользу силы.

Я снова и снова перечитываю письма заключенных — в каждом из них есть фраза *«держимся»*. Они, лишённые всего, сохраняют ясность, которую утратили свободные. Парадокс нашего времени: за решеткой — совесть, на свободе — равнодушие.

В старых архивах я нашел воспоминания советского следователя, писавшего в 1970-е годы: *«Мы не верили в виновность всех арестованных, но система не могла остановиться»*. Сегодня можно заменить дату и имена — текст останется правдой. Система по-прежнему не может остановиться, потому что у нее нет механизма совести.

Когда я спрашиваю у чиновников, верят ли они в справедливость происходящего, большинство отвечает: *«Такова политика»*. Это и есть новая религия — служение политике вместо совести.

Один священник сказал мне в частной беседе:

— Совесть — это голос Бога в человеке. Но если человек перестает слушать, Бог молчит.

Я думаю, сегодня Бог молчит громче, чем когда-либо. Молчание это — не наказание, а следствие.

Размытая совесть делает возможным все: от подлога экспертизы до равнодушного приговора. Ее не заметишь в отчетах, но она присутствует в каждом документе — в сухих формулировках, в аккуратных подписях, в вежливых словах *«согласно заключению»*.

Иногда мне кажется, что страна живет в состоянии нравственного тумана. Люди не видят, где добро, где зло, потому что все оформлено одинаково — печатью. В таком мире совесть перестает быть внутренним законом и становится вопросом инструкции.

Но есть те, кто сохраняет ясность. Их немного, но именно на них держится человеческое достоинство. Это адвокаты, которые не берут взятку, судьи, которые уходят в отставку, эксперты, которые отказываются подписывать ложные заключения. Их поступки почти незаметны, но именно они напоминают, что совесть еще существует как возможность.

Я часто думаю: может быть, именно в этой тишине и кроется шанс. Пока хоть один человек внутри системы чувствует стыд — не все потеряно. Совесть можно подавить, но нельзя отменить.

Я закрываю очередную папку с материалами дела и чувствую, что устал не от злобы, а от серости. Зло всегда можно назвать, а равнодушие — невидимо. Оно течет, как вода, заполняет все пустоты, смывая очертания.

Размытая совесть — это диагноз не только России. Сейчас это болезнь современного мира. Везде, где люди предпочитают удобство правде, она проявляется вновь. И всё же я верю: чтобы вернуть совесть, не нужно большинство. Достаточно нескольких голосов, которые не смолкнут.

Пока эти голоса звучат, даже шёпотом, мир ещё не окончательно глух.

Глава 12. Предел страха

Когда я начинал это расследование, мне казалось, что речь идет о частном явлении — о религиозных преследованиях, о деформации права, о нескольких сотнях судебных дел. Теперь я понимаю: это история не о вере, а о человеке. Точнее — о границе, где человек перестает быть человеком.

Любая диктатура начинается не с выстрела и не с указа, а с внутреннего согласия большинства — молчаливого и осторожного. Так страх становится воздухом. Люди дышат им, не замечая запаха. Он в новостях, в формулировках, в разговорах на кухне.

И только тот, кто перестаёт дышать этим воздухом, начинает задыхаться. Этих людей называют экстремистами. Я видел их. Они не похожи на героев. Уставшие, тихие, без риторики. Но в них есть то, чего нет у тех, кто их судит, — цельность.

Антикультовая система, построенная на страхе, всегда считает себя вечной. Так думали все режимы — от инквизиторов до идеологов прошлого века. Но их объединяет одна ошибка: они верили, что страх сильнее совести. А совесть не измеряется законом и не зависит от статуса. Она просыпается там, где человек впервые говорит «нет» — пусть даже шёпотом.

Я видел этот шёпот. Судья, который слишком долго смотрел в глаза подсудимому и сбился при оглашении приговора. Эксперт, который, подписав ложное заключение, написал в черновике: «Прости». Следователь, передавший жене обвиняемого письмо без штампа цензуры. Маленькие жесты — но именно из них складывается сопротивление. Никакая система не может просчитать момент, когда страх начинает разрушать сам себя.

Сегодня Россия живет в эпоху юридически оформленного страха. Но история учит: страх не бесконечен, он всегда доходит до своего предела. Тогда всё рушится внезапно, как картонный дом.

Мне часто говорят: *«Вы пишете без надежды»*. Но надежда — не чувство, а действие. Она не в лозунгах и не в политике, а в поступке человека, который остаётся собой, когда все вокруг прячутся. В этом — подлинное сопротивление.

Когда я думаю о будущем, не вижу легкого исхода. Но я вижу неизбежность расплаты. Любое государство, которое объявляет совесть преступлением, рано или поздно судит само себя. И этот суд всегда строже, чем любой уголовный.

Я вспоминаю слова одного из узников:

— Мы сидим не потому, что нас боятся. Мы сидим потому, что нас невозможно сломать.

В этих словах — приговор всей системе. Страх может победить тело, но не дух.

Когда я выхожу из архива очередного дела, воздух кажется плотным, как стекло. Но в этой тяжести есть трещины. Их не видно, но они есть — в каждом сомнении, в каждом честном вопросе, в каждом человеке, который перестает повторять за хором.

Когда человек перестаёт бояться назвать ложь ложью — система теряет равновесие.

Я верю, что однажды в России снова начнут произносить простые слова — без кавычек, без оглядки, без разрешений. Вера будет снова означать веру, закон — закон, человек — человека. И в тот день архивы этой эпохи станут уроком, а не предупреждением.

Эта книга — не о Свидетелях Иеговы. Она о нас. О том, как легко мы позволяем страху стать нормой. И о том, что пока хоть один человек способен сказать «нет» — даже тихо, даже внутри себя, — для нас еще не все потеряно.

Список литературы

1. Академические и контекстуальные работы

1. Introvigne, M. (2020). The Russian anti-cult movement and its global influence. CESNUR Papers.
2. Richardson, J. T. (2017). Regulating religion: Case studies from around the globe. Springer.
3. Курбатов, С. (2020). Лингвистика власти: язык как инструмент принуждения. Европейский университет.
4. Яковлев, А. (2019). Право и совесть: границы подчинения в авторитарном обществе. Новое издательство.

2. Дополнительные международные источники и правозащитные документы

1. European Court of Human Rights. (2010). Jehovah's Witnesses of Moscow and Others v. Russia (Application No. 302/02). <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-99221>
2. Amnesty International. (2018). Amnesty International report 2017/18: The state of the world's human rights – Russian Federation. Refworld. <https://www.refworld.org/docid/5a99387c8.html>
3. Amnesty International. (2020). Human rights in Eastern Europe and Central Asia: Review of 2019 – Russian Federation. <https://www.amnesty.org/en/documents/eur01/1355/2020/en/>
4. Amnesty International. (2021). Amnesty International report 2020/21: The state of the world's human rights – Russian Federation. ecoi.net. <https://www.ecoi.net/en/document/2048607.html>
5. Amnesty International. (2022). Amnesty International report 2021/22: The state of the world's human rights – Russian Federation. ecoi.net. <https://www.ecoi.net/en/document/2070228.html>
6. Amnesty International. (2023). Amnesty International report 2022/23: The state of the world's human rights – Russian Federation. <https://www.amnesty.org/en/documents/pol10/5670/2023/en/>

7. Dekoder. (2022, January 13). Zeugen Jehovas: Extremismus und Religionsfreiheit. <https://www.dekoder.org/de/gnose/zeugen-jehovas-extremismus-religionsfreiheit>
8. European Parliament. (2020, May 21). European Parliament resolution of 21 May 2020 on Russia, the case of Alexei Navalny (2020/2642(RSP)). https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2020-0120_EN.html
9. Human Rights Watch. (2019, February 6). Russia: Jehovah's Witness convicted. <https://www.hrw.org/news/2019/02/06/russia-jehovahs-witness-convicted>
10. Human Rights Watch. (2019, October 29). Persecution against Jehovah's Witnesses in Russia escalates. <https://www.hrw.org/news/2019/10/29/persecution-against-jehovahs-witnesses-russia-escalates>
11. Human Rights Watch. (2020, January 9). Russia: Escalating persecution of Jehovah's Witnesses. <https://www.hrw.org/news/2020/01/09/russia-escalating-persecution-jehovahs-witnesses>
12. Human Rights Watch. (2020, July 1). Prosecutors in Russia object to parole for Jehovah's Witness. <https://www.hrw.org/news/2020/07/01/prosecutors-russia-object-parole-jehovahs-witness>
13. Human Rights Watch. (2021). World report 2021: Russia. <https://www.hrw.org/world-report/2021/country-chapters/russia>
14. Human Rights Watch. (2022). World report 2022: Russia. <https://www.hrw.org/world-report/2022/country-chapters/russia>
15. Human Rights Watch. (2023). World report 2023: Russia. <https://www.hrw.org/world-report/2023/country-chapters/russia>
16. Human Rights Watch. (2024). World report 2024: Russia. <https://www.hrw.org/world-report/2024/country-chapters/russia>
17. Human Rights Watch. (2025, January 16). World report 2025: Russia. <https://www.hrw.org/world-report/2025/country-chapters/russia>
18. Human Rights Watch. (2025, March 18). US-Russia engagement should address rights abuses. <https://www.hrw.org/news/2025/03/18/us-russia-engagement-should-address-rights-abuses>
19. Le Monde. (2017, April 20). Les Témoins de Jéhovah interdits en Russie par une décision de la Cour suprême. https://www.lemonde.fr/europe/article/2017/04/20/les-temoins-de-jehovah-interdits-en-russie-par-une-decision-de-la-cour-supreme_5114508_3214.html

20. Le Monde. (2019, November 26). La Russie réprime avec force les Témoins de Jéhovah. https://www.lemonde.fr/international/article/2019/11/26/la-russie-reprime-avec-force-les-temoins-de-jehovah_6020573_3210.html

21. Le Monde. (2021, May 16). Russie. Harcelés, filmés nus, emprisonnés : la dure situation des témoins de Jéhovah. https://www.lemonde.fr/international/article/2021/05/16/russie-harceles-filmes-nus-emprisonnes-la-dure-situation-des-temoins-de-jehovah_6077892_3210.html

3. Документальные и аналитические публикации

1. Клуб сторонников расследовательской журналистики. (2025, 4 сентября). Экспертиза как оружие террора. <https://actfiles-supporters.org/ekspertiza-kak-oruzhie-terrora/>

2. Клуб сторонников расследовательской журналистики. (2025, 24 сентября). Юрико-лингвистический анализ книги А.Л. Дворкина «Сектоведение». <https://actfiles-supporters.org/yuridiko-lingvisticheskij-analiz-knigi-a-l-dvorkina-sektovedenie-priznaki-ekstremistskogo-materiala-v-pravovyh-sistemah/>

3. Клуб сторонников расследовательской журналистики. (2025, 3 марта). По стопам нацизма. Преследование Свидетелей Иеговы в России. Причины и виновники. <https://actfiles-supporters.org/istoriya-presledovanie-svidetelej-iegovy-v-rossii/>

4. Клуб сторонников расследовательской журналистики. (2025, 7 мая). Что стоит за геноцидом Свидетелей Иеговы в России? <https://actfiles-supporters.org/chto-stoit-za-genocidom-svideteli-iegovy-v-rossii/>

5. Клуб сторонников расследовательской журналистики. (2025, 30 марта). Новый рейх Дворкина. <https://actfiles-supporters.org/novyj-rejh-dvorkina/>

4. Российские правовые документы

1. Федеральный закон Российской Федерации от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». (2002). Официальный интернет-портал правовой информации.

2. Верховный Суд Российской Федерации. (2017, 20 апреля). Решение № АКПИ17-238 по делу о ликвидации религиозной организации «Управленческий центр Свидетелей Иеговы в России» (рассмотрено в открытом судебном

заседании по административному иску Министерства юстиции Российской Федерации). Официальный интернет-портал правовой информации.

3. Верховный Суд Российской Федерации. (2017, 17 июля). Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам № 5-КГ17-33-К2 по жалобе религиозной организации «Управленческий центр Свидетелей Иеговы в России» на решение от 20.04.2017 № АКПИ17-238. Официальный интернет-портал правовой информации.